

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ:
ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУР И СМЫСЛОВ

Материалы
Международной конференции
XII Мелетинские чтения
(фольклорная секция)

Москва
2020

3 октября

Утреннее заседание 10.30–12.30

Председатель Е.Е. Левкиевская

Сергей Юрьевич Неклюдов (РГГУ, Москва) Легенда о снежном человеке как продукт «реверсивной интерпретации»

Ивона Жепниковска (Университет им. Н. Коперника, Торунь) Молчание как форма символической смерти в волшебной сказке

Элина Гансовна Рахимова (ИМЛИ, Москва) Лемминкяйнен как "лучший рунопевец" в записях рун из Приладожья

Варвара Евгеньевна Добровольская (ДНТ им. Поленова, Москва) «Ненужные знания»: фольклорные тексты в памяти жителей малых городов

Дневное заседание 13.00–15.30

Председатель В.Е. Добровольская

Анна Андреевна Лазарева (РГГУ, Москва) Изменение семантики онирического мотива в зависимости от контекста, в котором истолковывается сновидение

Татьяна Викторовна Савельева (Челябинский гос. университет, Миасс) Трансформация сюжета одной городской легенды при смене социокультурного контекста

Ольга Борисовна Христофорова (РГГУ, Москва) Как личный опыт становится общим знанием? «Цензура коллектива» в несказочной прозе

Елена Евгеньевна Левкиевская (РГГУ, Москва) Магический текст как капитал и принципы его наследования в славянских традициях

Босха Халгаевна Борлыкова, Бадма Викторович Меняев (Калмыцкий гос. университет, Элиста) К вопросу изучения фольклорных текстов сарт-калмыков Киргизии

Вечернее заседание 15.45–18.00

Председатель А.Б. Старостина

Аглая Борисовна Старостина (Институт востоковедения РАН, ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва) Третья жизнь Белой змейки: народная сказка и антирелигиозная пропаганда

Ольга Михайловна Мазо (РГГУ, ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва) Китайские ежи-оборотни в традиционной культуре и современных комиксах

Татьяна Андреевна Михайлова (МГУ, Москва) Трансформация демонов болезни в ирландском нарративе: «Сисиниева молитва» или «Полоцкие нави»

Виктория Алексеевна Черванева (РАНХиГС, Москва) Имплицитные способы интерпретации события в мифологическом рассказе

Ольга Васильевна Мещерякова (РГГУ, Москва) Трансформация функций домового в интернет-лоре

Легенда о снежном человеке как продукт «реверсивной интерпретации»

Сергей Юрьевич Неклюдов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

1. Примерно со второй половины XIX в. в записках русских и европейских путешественников по Центральной Азии появляются сообщения и рассказы местных жителей о некоем диком человеке, который обитает в горах или других труднодоступных местностях; подобные сведения можно также извлечь из исторических, географических, медицинских сочинений более отдаленного прошлого. Согласно этим текстам, в «низшей мифологии» некоторых племен, помимо духов предков, «хозяев» ландшафта, флоры, фауны, стихий, болезней, профессий и т.д., существуют еще некие человекоподобные нелюди, поросшие звериной шерстью, не имеющие одежды, не пользующиеся огнем и не владеющие членораздельной речью; впрочем, определяющие их признаки не особенно противоречат обычной демонологической атрибутике. Они скрытно обитают в горных пещерах, пустынях, лесах, хотя иногда и вступают с людьми в соприкосновение, чаще недружелюбное.

2. Начиная с 70-х гг. XIX в. в европейском и американском общественном сознании возникает, укореняется, получает широкую известность образ «первобытного/доисторического человека». Его облик реконструируют палеоантропологи и анатомы (Шаафхаузен, Сольгер, Мартин); под руководством исследователей «первобытности» (Лаббок, Буль) его воссоздают художники (Гризе, Филиппарт, Купка); разрабатывается и специальная научная методика подобных реконструкций (Кольман, Бехли, Меркле). Со страниц иллюстрированных журналов (*Harper's Weekly*, *The Illustrated London News* и др.) этот «реконструированный» первобытный человек глядит как живой — длиннорукий, коротконогий, сутулый, волосатый, с низким, скошенным лбом, глубоко сидящими глазами, приплюснутым носом и выпирающими челюстями. И с дубиной в руках.

Допущение непосредственной встречи с ним было сделано авторами научно-фантастической литературы (от Жюль Верна до Конан Дойла и Обручева), которые сформулировали свои гипотезы об условиях и результатах такой встречи. Подобные идеи не могли возникнуть вне сильного интеллектуального воздействия дарвинизма, вне понимания того, что в живой природе сосуществуют различные биологические виды, возникавшие на разных ступенях эволюции, в том числе их реликтовые формы («эффект кистеперой рыбы» — ископаемой, но дожившей до нашего времени). Разумеется, беллетристический вымысел оставался таковым, но все-таки ситуация встречи, пусть фантастическая, теперь была обозначена как некая теоретическая возможность.

Европейские первопроходцы, военные, альпинисты, натуралисты конца XIX — начала XX в., освоители и исследователи Гималаев, Тибета, Памира, несомненно были читателями этих журналов и книг. Они владели научными знаниями своего времени, определявшими их картину мира, которая включала и реконструированный облик недавно открытого

неандертальца. Они легко могли бы опознать его при встрече и в этом смысле были к ней вполне готовы.

3. Встреча состоялась. Реликтовый гоминоид (довольно случайно названный снежным человеком) был обнаружен в легендах о «диком человеке» центральноазиатских высокогорий. Так возникла гоминология, занявшаяся целенаправленными поисками этого персонажа (в основном с 1950-х гг.) и собиранием сведений о нем. Инструментом подобной интерпретации местных фольклорных текстов (интерпретацией «первого порядка») явились смелые палеоантропологические гипотезы, правота которых так и не была подтверждена: ни сам объект поисков, ни продукты его жизнедеятельности, ни его останки не были найдены, а все, что предьявлялось, не выдерживало биологической экспертизы. Чем дальше, тем больше крепла уверенность, что за данными текстами не стоит ничего, кроме локальных образов «низшей мифологии», хотя и в весьма специфических формах.

4. Сличение записей гоминологических экспедиций с немногочисленными старыми («первичными») источниками позволяет предположить, что местный фольклор оказался достаточно чувствителен к запросам поисковиков, а их коммуникативные задания непредумышленно регулировали и отбор, и содержательный состав текстов. В результате местные традиции, обогащенные палеоантропологическими идеями, стали сами предлагать исследователям некую уточненную интерпретацию своих сообщений. Именно эта «реверсивная» интерпретация и является тем основным материалом, с которым работает современная гоминология.

Далее легенда о «снежном человеке» переходит в количественно необозримую (и также легко усваиваемую фольклором) продукцию массовой культуры, книжную и кинематографическую, в жанр «фэнтези», в «литературу ужасов» и т.п.

Но это уже совсем другая история.

Молчание как форма символической смерти в волшебной сказке

Ивона Жепниковска

Университет Николая Коперника в Торуне, Польша

Со времен публикации работы Владимира Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (Ленинград, 1986) вопрос инициации как обрядовой основы указанной в заглавии его книги жанровой разновидности фольклорной прозы не подлежит сомнению. И вместе с тем многие аспекты этой проблематики или вовсе не разработаны, или разработаны в недостаточной степени. К ним, в частности, относятся метонимические репрезентации символической смерти героя волшебной сказки. Среди них весьма значимое место занимает молчание и шире — коммуникативная изоляция персонажей, поэтому в докладе мы хотели бы проанализировать именно роль молчания в процессе смены социо-культурного статуса сказочного неопфита, сопровождающего его на разных этапах жизненного цикла. Интересный материал в этом отношении дают польские и русские варианты сюжета ATU 451 (The brothers who were turned into birds), а также ATU 710 (Our Lady's Child), ATU 300 (The Dragon-Slayer), особенно те, в которых можно, например, выделить несколько стадий жизни женщины (девочка, молодая девушка (невеста), женщина-мать), что подтверждается привлечением соответствующего обрядового материала.

Предварительный анализ показал, что молчание, похоже как и прекращение всех других видов коммуникации (слух, зрение), а также воздержание от любых движений, являясь сигналом начала осуществляемого сказочным героем перехода из одного статуса в другой, одновременно представляет собой реализацию идеи времени, понимаемого как моменты неподвижности, статичности между отрезками его регулярного течения.

Лемминкяйнен как «лучший рунопевец» в записях рун из Приладожья

Эллина Гансовна Рахимова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва

Руна о поездке удальца, чаще всего по имени Лемминкяйнен, незванным гостем на пир вопреки запретам и предостережениям мудрой матери повсеместно бытовала в Карелии по обе стороны границы и была с начала XIX в. до Второй мировой войны записана финскими собирателями в сотнях изустных вариантов, так что это повествование может считаться преобладающим по частотности среди героико-мифологических рун. Несмотря на стабильность вариативного словесного воплощения фабулы по цепочке эпизодов и композиционную стройность ее оформления, сюжет руны допускает резко альтернативные развязки и даже их комбинацию. Излюбленная версия о похождениях незваного гостя, будучи развернута полностью, включала убийство на пиру противника в поединке на мечах и последующее бегство на девичий остров, но возможна была и его гибель с последующими попытками воскрешения матерью, и избранная Лённротом для эпopeи версия его сватовства с трудными задачами. Однако записи могли заканчиваться раньше, даже до единоборства, самым прибытием на пир вопреки чудесным преградам и рядом испытаний на пиру. Существенно, что все записи калевальских изустных рун были сделаны от рунопевцев во время пения по просьбе собирателя (кроме самозаписей по просьбе энтузиастов-краеведов для последующей отправки в столицу Финляндии в архив Финского литературного общества или университетские землячества и газеты и фрагментарных свидетельств собирательств со свадеб и с сельских календарных праздников в честь православного святого покровителя, героико-мифологических рун не включавших). В Приладожье в начале XX в. благодаря энтузиастам-краеведам сложилось празднование Рунопевческих Торжеств, а знаменитых приладожских сказителей не только многократно посещали по месту проживания, но и приглашали в Хельсинки (после революции и войны записи делались и от беженцев от Советской власти). Почитание рунопевческого мастерства и дара исполнителей придает особый смысл распространенному в записях из Приладожья сюжетному решению: Лемминкяйнен пробивается на пир как лучший певец и знахарь. Делаются выводы о синхронных аспектах территориальных редакций, в финском историко-географическом подходе трактованных диахронически.

«Ненужные знания»: фольклорные тексты в памяти жителей малых городов

Варвара Евгеньевна Добровольская

Государственный Российский Дом народного творчества им. В.Д. Поленова, Москва

Во время экспедиционной работы довольно часто приходится сталкиваться с людьми, которые на вопрос о том или ино, интересующем фольклориста явлении, отвечают, что знают об этом от своих старших родственников. Некоторые из наших информантов говорят о том, что в неких особых ситуациях (болезнь ребенка, засушливое лето, конфликты с начальством и т.п.) они прибегают к этим знаниям, актуализируют их и активно используют в своей жизни. Но есть среди информантов и те, кто, зная традиции, не использует их ни при каких условиях. Нам показалось интересным понять причины, которые заставляют человека отказываться от опыта предыдущих поколений.

В настоящее время материалы носят случайный характер; никаких специальных полевых исследований на данную тему не проводилось. Отказом от знаний старших родственников может являться конфликт научного и народного знания. Фольклорный текст ассоциируется у исполнителя с отсталостью, необразованностью, ошибочностью. Обычно его противопоставляют информации, полученной в школе или институте, вычитанной в книгах или интернете. Наиболее часто в эту группу попадают магические практики, жанры сказочной прозы и т.д. Зная фольклорный текст, человек объясняет его ошибочность, а в ряде случаев и причины его использования в прошлом. Своеобразной разновидностью данного конфликта является снобизм и отказ от своего прошлого. Изменив образ жизни, человек отказывается от прошлого. Фольклор является частью этого прошлого, а использование фольклорных текстов возвращает человека назад, лишая его всех «завоеваний».

В противовес этой группе существуют люди, которые, наоборот, пестуют свои знания о фольклоре, гордятся ими и используют их как некое средство самоидентификации. Другой причиной отказа от фольклорных знаний является страх. С точки зрения человека, «старые» знания опасны. Для ряда людей в фольклорных текстах есть сила, которой надо уметь пользоваться и которая, в случае неумелого использования, может нанести непоправимый вред. Чаще всего такая позиция связана с магическими практиками. В то же время возможен и другой конфликт. Фольклорный текст нарушает правила, установленные в современном мире. Так, народное православие может, с точки зрения некоторых исполнителей, являться нарушением православных традиций и канонов, а следовательно Бог обязательно накажет человека за их использование.

Изменение семантики онирического мотива в зависимости от контекста,
в котором истолковывается сновидение

Анна Андреевна Лазарева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

В докладе будет подробно рассмотрен кейс, когда один и тот же фрагмент описания сна (крыша дома соседей разрушается) получает разное толкование в зависимости от обстоятельств, в которых рассказывается сон. В обоих случаях толкование сна тяготеет к двум разным моделям («дом как символ тела человека» и «дом как символ семьи»), что прослеживается по нюансам описания приснившегося. Разная трактовка («разрушение части дома» как предсказание болезни живущего в нем человека или смерти члена семьи) приводит к тому, что разной становится структура текста, различается логика взаимосвязи между описанием онирических образов и реальных событий.

Данное наблюдение наталкивает на определенные выводы, которые важны при составлении указателя мотивов пророческих сновидений. Онирические мотивы в указателе имеет смысл представлять вместе с описанием их семантики, по принципу «фрагмент сюжета (микросюжет) сна — логически связанное с ним описание реальных событий». Например, «часть дома разрушается — член живущей в нем семьи умирает».

В итоге я разработала указатель мотивов пророческих сновидений, в котором каждый мотив иллюстрирует определенную интерпретационную модель, а вся их совокупность (в указателе представлено более 800 мотивов) описывает правила формирования рассказов о пророческих снах (или, иными словами, способы традиционного толкования снов). Таким образом, указатель иллюстрирует грамматику языка пророческих сновидений в целом и формы ее реализации в индивидуальных нарративах.

Исследование проведено в рамках реализации проекта «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о сновидениях (на восточнославянском материале XX–XXI вв.)».

Трансформация сюжета одной городской легенды
при смене социокультурного контекста

Татьяна Викторовна Савельева
Челябинский государственный университет (Миасский филиал), Миасс

Исследование построено на диахроническом анализе городской легенды об острове Веры (озеро Тургояк, Челябинская область), варианты которой были зафиксированы с 1970-х до настоящего времени. Изменения семантики и сюжета настолько велики, что возникает вопрос: можно ли назвать это трансформацией одной легенды или это цикл легенд, посвященных одному топониму. Прагматика текста при этом остается в рекламно-развлекательной области.

Первый текст представляет собой самую раннюю легенду, которая появилась в начале XX в., хотя записана нами уже в 1970-е гг., это легенда о купеческой дочери Вере, которая скрывалась на острове от гнева отца, так как не желала выходить замуж по его приказу. Она становится святой целительницей, принимает посетителей, живет в пещере.

Вторая легенда появляется в 1990-х, когда тема старообрядчества перестала быть запретной: слово «вера» в названии острова теперь интерпретируется как истинная православная вера, а пещеры Веры под влиянием социокультурного запроса становятся пещерами старообрядческого скита, в котором раскольники скрывались от религиозных преследований. Налицо не просто изменения в сюжете, а переосмысление топонима.

Третий этап цикла легенд об острове связан в ревитализацией мифологизма и мистицизма в современном обществе. После археологического открытия дольменов и стоянки древнего человека возрастом приблизительно 4 тысячи лет с 2010-х гг. стали появляться легенды о «месте силы» на острове, о чудесных исцелениях, о пирамидальной горе напротив острова, которая обладает чудесными свойствами. Их поддерживает большинство местных экскурсоводов. Возникают неоритуалы для туристов, посещающих остров.

Таким образом, мы видим прямую связь формирования цикла городских легенд с изменением социокультурного контекста в локальной традиции: с изменением запроса общества меняется семантическая наполненность фольклорных текстов об острове Веры.

Как личный опыт становится общим знанием?

«Цензура коллектива» в сказочной прозе

Ольга Борисовна Христофорова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Соотношение личного опыта и моделей, используемых для его передачи, — одна из важных проблем для целого ряда гуманитарных дисциплин. В фольклористике последних лет она стала предметом внимания С.Ю. Неклюдова, Е.Е. Левкиевской, С.Б. Адоньевой. И.С. Веселовой и других исследователей. Автор этих строк уже обращалась к теме взаимодействия носителей традиции и нарративных (интерпретативных) схем, предоставляемых последней, к проблеме выбора индивидуальных траекторий в пространстве «общего знания». В данном докладе речь пойдет о противоположной проблеме — как персональный опыт в ходе вербализации и нарративизации (т.е. наполнения эмоциями и смыслами, иногда внешними по отношению к фактической стороне истории) форматируется под существующие в традиции шаблоны. Опираясь на понятие «цензура коллектива», предложенное П.Г. Богатыревым и Р.О. Якобсоном в работе 1929 г., автор продемонстрирует несколько способов действия подобной цензуры в сфере сказочной прозы.

Магический текст как капитал
и принципы его наследования в славянских традициях

Елена Евгеньевна Левкиевская
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

В докладе на материале преимущественно южнославянских традиций будут рассмотрены принципы межпоколенной передачи магических текстов и прав пользования ими. С точки зрения традиционного сознания магическое знание «материально» и, как любой материальный предмет, в каждый период времени может иметь только одного «владельца, имеющего право использовать его в практических целях» (например, для лечения). «Материальность» магического текста определяют особенности владения им и способы его передачи от старшего «знающего» младшему. Способы передачи текста включают в себя не только обучение собственно словам и инструкции их применения в обрядовой ситуации, но и «юрисдикцию» передачи права на текст от знахарки, завершающей свою практическую деятельность, своей ученице. При передаче заговорных слов от одной знахарки другой одна из них перестает ими владеть.

Поскольку в ряде южнославянских традиций в рамках одного сообщества в конкретный момент времени не может быть большего одной практикующей знахарки, которой принадлежат все права на заговорные тексты, процедура обучения новой представляет собой длительный процесс, включающий несколько этапов, последним из которых является передача права на практическое применение текста, после чего старшая целительница утрачивает возможность пользования им. Между этапом обучения собственно тексту и этапом полноправного наследования возможности заниматься практической знахарской деятельностью молодой знахаркой часто проходит длительное время. Таким образом, техническое знание магических текстов отнюдь не означает права их практического применения. Как часто бывает в подобных случаях, в случае крайней необходимости традицией предусмотрены способы обхода данного запрета как старшей магической специалисткой, уже отошедшей от практической деятельности, так и молодой знахаркой, уже обученной словам, но еще не получившей права их практического использования. Нужно подчеркнуть, что представление о том, кому принадлежат право и обязанность владения магическим словом в сообществе (исключительно магическому специалисту или частично всем членам этого сообщества) по-разному сформировано в различных славянских ареалах. В частности, в севернорусской традиции владение приемами медицинской магии (особенно в области лечения детских болезней) обязательно для каждой замужней женщины, имеющей детей, — это, по мнению сообщества, входит в сферу обязательных практик, которыми она обязана владеть. Другой подход мы наблюдаем в украинской традиции, в которой магическое знание гораздо более профессионализировано — оно в большей степени принадлежит магическому специалисту, чем рядовому члену сообщества, который не обязан им владеть.

К вопросу изучения фольклорных текстов сарт-калмыков Киргизии

Босха Халгаевна Борлыкова, Бадма Викторович Меняев

Калмыцкий государственный университет, Элиста

В данной статье на основе архивных, опубликованных и личных полевых материалов (2009, 2012, 2015, 2017) исследуется устное народное творчество сарт-калмыков Киргизии в условиях иноэтничного окружения. Сарт-калмыки (каракольские, иссык-кульские калмыки) — ойратоязычная этноконфессиональная группа, потомки олётов Синьцзяна, проживающие с 60-х гг. XIX в. в долине реки Каракол (ныне Ак-Суйский район Иссык-Кульской области Киргизии). В настоящее время фольклор сарт-калмыков является «белым пятном» в монголоведении. В XIX в., когда активно функционировал родной язык среди сарт-калмыков, к сожалению, их фольклор не записывался. Лишь в 20–30-е гг. XX в. устное народное творчество сарт-калмыков стало объектом внимания исследователей (А.В. Бурдуков, К.Э. Эрендженев), в то время когда сарт-калмыцкий язык стал употребляться только в домашнем быту, а киргизский язык стал общеупотребительным. Утрата родного языка явилась препятствием для межпоколенной передачи сарт-калмыцкой фольклорной традиции.

Современные записи текстов фольклора сарт-калмыков показывают изменение их смыслов и целей их использования. Так, в частности, исполнители изначально свадебную песню считают исторической, не знают смысла ряда пословиц и поговорок. Для сравнения поэтического фольклора сарт-калмыков были привлечены образцы из устного народного творчества ойратов Синьцзяна (олётов) и калмыков России. В результате сравнительного анализа установлены интерпретации и дифференцирующие элементы некоторых фольклорных текстов сарт-калмыков, связанные с их локальной традицией, а также выявлена текстовая близость образцов фольклора сарт-калмыков Киргизии, ойратов Синьцзяна и калмыков России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00537 А.

Третья жизнь Белой змейки: народная сказка и антирелигиозная пропаганда

Аглая Борисовна Старостина

Институт востоковедения РАН, НИУ «Высшая школа экономики», Москва

Популярный сказочный сюжет о змеиной жене, разоблаченной монахом, известный как «История Белой змейки», распространен в Китае на широкой территории. Кроме того, он эксплуатировался в китайской новеллистике и драматургии в течение нескольких столетий. Сказка генетически родственна сказочному типу «Король и ламия» (АТУ 411). В Китае этот сюжет проникает примерно в XII в. При этом кульминация сказки — обличение и усмирение жены-оборотня, чаще всего искренне привязанной к мужу, добродетельным священнослужителем. В этом сюжете предположительно нашло отражение противостояние ислама и зороастрийских верований.

Начиная с 1940-х гг. Коммунистическая партия Китая поощряла использование популярных легенд в пропаганде. Сюжет о Белой змейке положил в основу пьесы Тянь Хань (1898–1968), участник «движения за новую культуру», а затем автор нескольких «революционных произведений». После 1949 г. в КНР появился ряд трактовок этого сюжета с измененными акцентами: монах стал безусловным антагонистом; никаких вредных последствий из-за нечеловеческого происхождения белой змеи для ее мужа не предусматривалось. Таким образом, сказочный сюжет превратился в средство антирелигиозной пропаганды. Сказки, записанные в 1980-е гг. в КНР, тоже сохраняют пропагандистскую инверсию. Вопрос о том, отредактированы ли они собирателями, или действительно трансформировались под воздействием «красного искусства», остается открытым.

Китайские ежи-оборотни в традиционной культуре и современных комиксах

Ольга Михайловна Мазо

Российский государственный гуманитарный университет,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва

Ежи-оборотни относятся к классу зооморфных духов, которые могут превращаться в человека. Историй о них существует немного, и в большинстве из них ежи в облике пожилых невысоких людей встречаются с человеком в доме или на почтовой станции. Часто, хотя духи не приносят вред людям, их безжалостно убивают. Другой класс духов-ежей — священные ежи — появился значительно позже, при династии Цин (XVI–XX вв.) и был очень популярен на севере Китая и в Пекине. Помимо ежей, к священным животным относились также лисы, хорьки, змеи, мыши и др. Священные ежи могли обрести бессмертие и умение превращаться в людей только после длительного самосовершенствования и, находясь в зверином облике, поселялись во дворах или домах, принося богатство и процветание семье. Им строили кумирни и помещали их изображения или таблички с именами на домашний алтарь. Однако физическое увечье или убийство ежей вызывало немедленную ответную реакцию, и виновник наказывался, часто смертью. Хотя эти два класса духов обладают различными функциями, в некоторых историях XIX в. персонажи-ежи обладают характерными чертами и тех и других.

В 1980-е гг. культ священных животных стал возрождаться и сейчас довольно популярен, в частности на северо-востоке Китая. Однако, в отличие от лис и хорьков, ежи утратили былую популярность и, как видно из интернет-публикаций, воспринимаются скорее как волшебные существа, чем как грозные духи. В докладе на примере двух комиксов будет показано, какие черты традиционных персонажей сохранились и являются актуальными, какие утратились, а какие, наоборот, появились.

Трансформация демонов болезни в ирландском нарративе:
«Сисиниева молитва» или «Полоцкие нави»

Татьяна Андреевна Михайлова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

В среднеирландском псевдоисторическом нарративе «Разговоры старцев», представляющем собой в основном топонимические предания, а также локальные легенды и построенном на базе рассказа о путешествии святого Патрика по острову, присутствует эпизод, распадающийся на два фрагмента. Фрагменты связаны между собой как бы исторически: в обоих речь идет о способах борьбы со злом при помощи заговора. В первом фрагменте рассказывается о появлении трех братьев, представленных в компиляции как прибывшие из-за моря враги фе-ниев. Однако их описание (красная кожа, способность пропитывать все ядом, стремление нести гибель не оружием, но «странной слабостью»), а также способы спасения от них (укрытие в специально построенных домах) демонстрируют несомненное сходство с известным «Полоцким эпизодом» 1092 г., изображенным в ПВЛ.

Во втором фрагменте враждебные силы представлены в виде птиц, уничтожающих посе-вы, а также похищающих новорожденных. Собственно демонами болезни данные персонажи в тексте не называются. Окончательная победа над ними в обоих фрагментах изображается как результат применения правильного заговора, в котором они «отсылаются» в море, а также называются «Иродовым семенем», что, в свою очередь, демонстрирует сходство с русскими заговорами против лихорадок, возникшими на базе трансформации «Сисиниевой легенды», как принято считать, циркулировавшей на Ближнем Востоке и в Южной Европе, а в Западной Ев-ропе не известной. Однако ирландский «Мартиролог» Энгуса (X в.) содержит не только упо-минание о св. Сисинии, но и о его «оградительной молитве» (в «Мартирологе» Узуарда, IX в., считающемся его основным источником, Сисиний упоминается только среди мучеников). В то же время вера в женщин, превращающихся в птиц и похищающих новорожденных, упомина-ется и осуждается в каноническом законе *Decretum* Бурхарда Вормского (X в.), предположи-тельно в Ирландии известном.

В докладе предполагается проследить трансформацию повествовательных структур, в которых бродячая, а отчасти — возникающая самостоятельно историола превращается в само-стоятельный нарратив в ходе фиксации и изменении жанрового конвоя. В качестве сопостави-тельного материала предполагается привлечь аналогичную трансформацию, произошедшую с историолой заговора «жила-к-жиле».

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-012-00-131 «Грамматика нереального».

Имплицитные способы интерпретации события в мифологическом рассказе

Виктория Алексеевна Черванёва

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва

В докладе предполагается рассмотреть проблему выражения рассказчиком в мифологическом нарративе интерпретации описанного им события.

Интерес к теме толкований в традиционной культуре вполне закономерен, особенно в текстах с установкой на достоверность, каковыми являются мифологические рассказы, где объяснение события рассказа обнаруживает «кредо» говорящего, систему его мировоззренческих установок и верований.

Ранее, в подступах к этой проблеме, при рассмотрении элементов мифологического текста с функцией толкования была установлена корреляция между способами интерпретации (эксплицитной/имплицитной) и степенью близости рассказчика к событию: в меморатах, при описании рассказчиком собственного опыта взаимодействия с мифологическим агентом, значительно реже используются прямые (эксплицитные) толкования по сравнению с рассказами, в которых пересказывается чужой опыт контакта с мифологическим персонажем. Тем не менее рассказчик в меморатах — активный субъект-интерпретатор, однако предпочитающий имплицитные способы мифологической мотивировки событий. В докладе будут охарактеризованы основные, выявленные в корпусе мифологических нарративов способы непрямого выражения позиции рассказчика:

- делегирование рассказчиком объяснительной функции другим участникам ситуации;
- ссылка на мнение социума;
- демонстрация рассказчиком незнания, неуверенности или отказа от идентификации явления;
- вопросы, обращенные к собеседнику;
- мотивировка события самой структурой нарратива.

Особое внимание в докладе предполагается обратить на последний из указанных способов — каузацию события самим ходом повествования, когда причинно-следственные значения выводятся из толкования всей нарративной ситуации, а из развязки текста явствует мифологическая интерпретация ситуации и вытекающие отсюда толкования, предписания, запреты и т.п.

Как представляется, в данном случае — при формальном отсутствии элементов текста с функцией толкования — рассказчиком осуществляется интерпретация события, причем самым органичным и естественным образом.

Прежде всего, этот способ связан с общими механизмами функционирования речи. Как установлено исследованиями в области коммуникативной лингвистики, говорящий всегда присутствует в высказывании, в любом высказывании имеется субъективность, повествовательные предложения в индикативе формируют ситуацию простой (имплицитной) достоверности и

ситуацию эпистемического обязательства, которая состоит в том, что, производя высказывание, человек по умолчанию «говорит правду», то есть производит такое высказывание, с которым сам согласен. Таким образом, рассказывание само по себе — это уже значимый интерпретирующий акт, это деятельность по освоению действительности, в сущности своей интерпретационная деятельность.

Особенно актуальны эти положения для текстов достоверной прозы. Описывая событие, говорящий производит идентификацию явления — в соответствии с традиционными представлениями о мире. При идентификации включается соответствующая мифологическая модель и актуализируются имеющиеся в арсенале традиции мотивы и сюжетные схемы, после чего говорящий «укладывает» событие в соответствующую схему и описывает его в соответствующих терминах. Модель мифологического мемората, которая воспроизводится в тексте, в данном случае объяснительная, интерпретационная модель: рассказ о своем опыте в форме мифологического нарратива — это всегда выбор рассказчиком традиционной, предписанной традицией схемы объяснения происходящего.

Трансформация функций домового в интернет-лоре

Ольга Васильевна Мещерякова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Весной–летом 2020 г. я проводила исследование мифологических представлений современных россиян. Меня интересовало, верят ли в наши дни в домового, и если да, то изменились ли представления о мифологическом персонаже по сравнению с теми, которые были зафиксированы учеными в середине — во второй половине XX в. в сельской среде.

Материалом для анализа была выбрана платформа Яндекс.Дзен, где разные авторы публикуют свои материалы, чтобы привлечь внимания аудитории (цели могут быть разными, не всегда коммерческими, но этот вопрос мы не будем обсуждать по причинам, указанным ниже). Одной из наиболее привлекающих внимание тем оказывается мистика, в том числе разные необычные происшествия и существа. Сами публикации в силу их «триггерной» заданности представляют не такой большой интерес, как комментарии к ним. В этих комментариях обычные пользователи интернета высказывают свои мнения о том, что написано в заглавной статье, делятся своими историями, пишут о своем опыте соприкосновения с мистическим. Комментарии к публикациям на Яндекс.Дзене обычно представляют собой несюжетные тексты, поверья. Чуть реже встречаются былички и письменные аналоги быличкового агона: диалог представлен веткой комментариев, которая может начинаться как с чьей-нибудь былички, так и с вопроса или утверждения о содержании заглавной публикации.

В ходе исследования были проанализированы 605 комментариев к 29 публикациям на Яндекс.Дзене, имеющим отношения к происшествиям в домашнем пространстве и к фигуре домового, и на их основе составлен указатель мотивов современных мифологических представлений о домовом. Эти мотивы я сравнила с теми, которые приведены в указателях традиционной русской мифологической прозы (Айвазян и Зиновьева), чтобы изучить изменения мотивов и предположить причины данных изменений.

В докладе будут рассмотрены четыре типа трансформации мотивов, связанных с домовым, в современных представлениях (мотив остается неизменным; мотив претерпевает небольшие изменения; мотив пропадает; появляется новый мотив), и факторы, влияющие на эти трансформации.